

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Анны Андреевны Леонтьевой «Процессы этнокультурной интеграции в болгарском обществе конца XVII–XVIII вв. (по данным документов кадийского суда г. Софии)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 (соответствует номеру 5.6.2 новой номенклатуры специальностей (Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118) – Всеобщая история (Новое время).

Функции кадиев (*кади* – религиозный судья в мусульманской общине) в Османской империи были весьма широки. Османские кадии выступали не только в качестве судей и толкователей религиозных норм, на местах они являлись административными представителями центральной власти. В их юрисдикцию входило разрешение споров между отдельными лицами, заключение брака и развод, установление наследства. Кадиям для последующего исполнения направлялись решения великого везира, принятые по жалобам торговцев и ремесленников, они осуществляли «государственное регулирование» османской экономики (надзор за рынками и цехами ремесленников, контроль уровня цен, производственных стандартов, качества продукции и пр.). Таким образом в Османской империи институт кадиев сочетал в себе функции судебной власти и функции власти исполнительной. Что касается кадиев г. Софии, то во второй половине XVI в. они были известны своей благотворительной деятельностью. Ими было учреждено большое количество вакфов (*вакф* – имущество, отказанное на религиозные или благотворительные цели), что способствовало поступательному процессу исламизации городской среды¹.

В кадийских сиджилах (*сиджил* – реестр приказов и распоряжений высших инстанций, а также прочих документов, получаемых и выдаваемых кадием), составивших основную источниковую базу научно-квалификационной работы Анны Андреевны Леонтьевой, османскими судьями регистрировалось, в частности, движимое и недвижимое имущество умершего в случае раздела наследства в судебном порядке. По числу сохранившихся сиджилов Софию для этого периода превосходит только г. Видин². Следовательно, в настоящем случае вполне можно говорить о достаточной **репрезентативности** источниковой базы научно-квалификационной работы А. А. Леонтьевой.

¹ Gradeva R. On kadis of Sofia, 16th-17th centuries // Journal of Turkish Studies. Vol. 26/1, 2002 (Essays in honour of Barbara Flemming, I). P. 265-292.

² Тодоров Н. Балканский город XV-XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976. С. 127-128.

В данной работе, отмечает ее автор (С. 73), «впервые в отечественной историографии при исследовании истории Болгарии в конце XVII–XVIII вв. документы кадийского суда используются как основной источник». Этим частично определяется **научная новизна** проведенного исследования. Изучение документальных источников данной категории при применении соответствующих исследовательских методов в первую очередь дает возможность оценить уровень материального положения и степень социальной дифференциации городского населения Софии в XVIII в. В диссертации эти документы использованы также для изучения иных сфер жизни городского населения. Таким образом еще одним признаком **новизны** данной работы является исследовательский ракурс, предусматривающий (также впервые в отечественной историографии) использование этих документов для изучения различных сфер этно-конфессиональных и культурных контактов, а также тех каналов, по которым протекал процесс аккультурации части болгарского православного населения в рамках османо-мусульманского общества в XVIII в.

Несмотря на исследовательский бум последних пятидесяти лет, история Болгарии в составе Османской империи в XVIII в. по-прежнему остается одним из наименее изученных периодов в болгарской историографии. С еще большим основанием вышесказанное можно отнести к историографии отечественной. Этим обстоятельством определяется **актуальность** диссертационного исследования А. А. Леонтьевой.

Основные положения диссертации сформулированы автором в шести пунктах (С. 8-9). В целом с их содержанием можно согласиться. Но в некоторых случаях хотелось бы добиться от автора большей четкости в формулировках. Например, в положении №5 (С. 9) утверждается, что «вопреки мнению о запрете христианам на ношение оружия, оно находилось в их собственности...». Однако это не «мнение», как, судя по всему, полагает диссертант, а одно из существенных ограничений прав зиммиев (*зимми* – немусульманские подданные исламского государства, «находящиеся под покровительством»). В Османской империи оно было окончательно отменено известным султанским указом (*хатт-и хумаюн*) в 1856 г. Данная формулировка, таким образом, подлежит уточнению.

Некоторое противоречие нами усматривается между положениями 3 и 6. В положении №3 (С. 8) говорится, что «XVIII век стал периодом роста т. н. «добровольной исламизации» – массового перехода в ислам представителей других религий, о чем свидетельствует рост числа горожан с антропонимом «потомок Абдуллаха» – мусульман в первом поколении. Во многом это обусловлено более широкими возможностями, предоставляемыми мусульманам: принятие ислама влекло за собой как разовые выплаты,

так и возможность повышения социального статуса и продвижения в профессиональной сфере. Имело место косвенное принуждение к принятию ислама путем создания государством условий, способствующих переходу в господствующую религию». В то же время в положении №6 (С. 9) читаем: «В городском обществе Софии в XVIII в. не существовало угрозы ассимиляции болгарского населения и утраты ими национальной идентичности. Имело место активное взаимодействие турок и болгар в различных сферах жизни, однако это не позволяет говорить о растворении болгар в турецком этносе». Вопрос, на наш взгляд, спорный, поскольку общие демографические перемены, в свое время прослеженные Н. Тодоровым, говорят об обратном. Если в XV в. христиане на Балканах все еще составляли 72,29% городского населения (по данным 44 городов), то в первой половине XVI в. их доля упала до 51,11% (по 84 городам), а к концу века – до 36,07 % (по 29 городам)³. В Софии в XVIII в. эта тенденция сохранялась.

В целом научно-квалификационная работа А.А. Леонтьевой достаточно объемна (243 стр.). Пяти главам основного текста работы предшествует обширное Введение, занимающее почти треть часть диссертации (С. 3-74), причем львиную долю Введения составляет обзор болгарской историографии (С. 13-59). Несмотря на общую познавательность и самостоятельную ценность этого обзора, нам представляется, что в таком виде и объеме (как часть диссертации на конкретную тему) он несколько избыточен. И вот по каким причинам. Во-первых, для отечественного читателя в широком доступе уже имеются информационно насыщенные историографические обзоры, принадлежащие Е. Гроздановой⁴. Во-вторых, страдает архитектура, поскольку такой обзор усугубляет и без того некоторую структурную рыхлость данной научно-квалификационной работы. Этот же упрек можно адресовать к выделению в особый параграф Первой главы экскурса в историю изучения мусульманского права в России.

Ниже перейдем к замечаниям частного характера:

1). Во Введении (С. 5) автор пишет о Кырджалийском времени следующее: «необходимость самостоятельно противостоять угрозам разбойных нападений способствовала сплочению болгар и росту болгарского национального самосознания на рубеже XVIII–XIX вв., что в итоге вылилось в борьбу за освобождение от «турецкого ига».

³ Тодоров Н. Балканский город XV-XIX веков. С. 65-67.

⁴ Грозданова Е. Болгарская историография о некоторых проблемах истории болгарского народа под османским господством (XV – XVII вв.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сб. ст. М., 1986. С. 136-154. Она же. Современное состояние и перспективы болгарской османистики (1999–2009 гг.) // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 57–74.

Представляется, что рост этнического самосознания болгар (приведший в конечном счете к созданию национального государства) был вызван рядом причин, в том числе развитием капиталистических отношений. Как отмечал один из классиков марксизма применительно к греческому восстанию 1821 г., в Османской империи нажитая прибавочная стоимость ничем не была гарантирована «от хищных рук сатрапов и пашей». В данном контексте историческая роль разбойников-кырджали была, на наш взгляд, все же более скромной, нежели можно заключить из вышеприведенной цитаты.

2). В тексте диссертации несколько раз (С. 128, 158, 177) упомянут некий «еврей Каракаш Самуил». Автор, очевидно, полагает, что слово *Каракаш* является прозвищем, физической характеристикой обладателя бровей соответствующего цвета (*кара каш – турец*: «черная бровь»). Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что *Каракашлар* – это одна из ветвей османских крипто-евреев («дёнме»), возникшая в 1716 г. в Салониках, и, таким образом, данный компонент в составе имени собственного мог указывать на принадлежность упомянутого Самуила к сектантам-дёнме. Известно, что наряду с использованием мусульманских имен дёнме сохраняли свои еврейские имена. Иудеи считали их апостатами, турки, в свою очередь, в обыденной жизни не принимали их за истинных мусульман. Судя по опубликованному болгарскому переводу, во вступлении к судебному протоколу упомянутый Самуил назван «членом еврейской общины г. Софии» (С. 128). Для прояснения обстоятельств, наверное, было бы уместным в данном случае обратиться к оригинальному тексту документа.

3). На С. 182 диссертационного исследования читаем: «Три издания Корана, стоимость которых была оценена шариатским судом в 1800, 2400 и 1200 акче, открывают опись имущества судебного писаря Мустафы Эфенди (1750 г.)». Это не совсем корректная фраза, поскольку в обозначенное время печатные Кораны в Болгарии хождения не имели. Речь может идти только о списках, то есть о рукописных копиях. Типографские издания Корана постепенно входят в обиход в пределах Османской империи лишь в девятнадцатом веке. Популярностью пользовались казанские переиздания знаменитого екатерининского Корана (впервые был напечатан в Санкт-Петербурге в 1787 г.).

4). Если данное диссертационное исследование будет готовиться к изданию, чего оно (после соответствующей доработки) вполне заслуживает, автору следует выверить написание имен собственных, особенно в Списке использованной литературы (Сюкияйнен, Redhouse и др.), а также написание ряда географических названий. Например, для г. Русе русский эквивалент – Рушук, а никак не Русчук (С. 161-162). Как результат недостаточной внимательности автора можно расценить включение перевода книги Д. Кицикиса в разряд

отечественной литературы (С. 46. Прим. 139), указание неверных годов правления султана Баязида I (С. 3) и т. п.

Очевидно, что высказанные замечания вполне устранимы, некоторые из них носят дискуссионный характер и в целом не ставят под сомнение общую положительную оценку работы А.А. Леонтьевой. Сделанные в ней выводы могут быть охарактеризованы как оригинальные и вполне обоснованные в рамках избранного исследовательского подхода. Они получены в результате изучения широкого круга разноязычных источников, в основном документального характера (в частности, автором в современных болгарских переводах скрупулезно проанализировано около 1 100 судебных протоколов и иных юридических документов). Работа носит междисциплинарный характер (проведена результативная попытка исследования на стыке славяноведения и османистики). Таким образом по всем вышеперечисленным параметрам диссертация А.А. Леонтьевой представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является самостоятельной научно-квалификационной работой. Автореферат диссертации и публикации А.А. Леонтьевой в научной периодике, в том числе в журналах по списку ВАК, полностью отражают научную новизну и содержание данной работы.

Подводя итог всему сказанному, полагаю, что рецензируемая квалификационная диссертационная работа Анны Андреевны Леонтьевой «Процессы этнокультурной интеграции в болгарском обществе конца XVII–XVIII вв. (по данным документов кадийского суда г. Софии)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, полностью соответствует требованиям пп. 9 и 10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 (соответствует номеру 5.6.2 новой номенклатуры специальностей (Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118) – Всеобщая история (Новое время).

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук (07.00.03 – «Всеобщая история»),

доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет,

ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Жуков Константин Александрович

К. Жуков

23 сентября 2021 г.

ПОДПИСЬ РУКИ

Жукова К.А.

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА

УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГБОУ ВО

Хомуцкая Л. П.

Л. П. Хомуцкая

23.09.2021

Сведения об оппоненте:

Жуков Константин Александрович

РФ 199226 Санкт-Петербург, ул. Наличная 36-7-320

Тел.: +7 (921) 950-6381; e-mail: konstantin.zhukov2011@yandex.ru

Адрес места работы:

РФ 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,

Восточный факультет, кафедра истории стран Ближнего Востока

Тел.: +7 (812) 328-2000; e-mail: spbu@spbu.ru